

ΠΟΤΟΝΙΜΟΛΟΓΙΑ

Л.Н. Гукова

Л.Ф. Фомина

УДК 81'373.21:82.0

ТОПΟΝΙΜΙΧΕΣΚΑ ΠΕΡΙΦΡΑΖΑ: ΒΒΕΔΙΕΝΙΕ Β ΠΡΟΒΛΕΜΕ

Реферат. В статье рассмотрены взгляды ученых на понятие перифразы, выделяются основные признаки перифразы как функционально-текстовой единицы речи. Особое внимание авторы уделяют дефинированию топонимической перифразы, впервые решая вопросы структурно-семантической организации этих описательных проприальных единиц, а также формулируя понятие семантических моделей, по которым создаются топонимические перифрастические поля.

Ключевые слова: ономастика, перифраза, топонимическая перифраза, типы и семантические модели топонимических перифраз.

Термин *перифраза* (варианты – *перифраз*, *парафраз*, *парафраза*) происходит от греч. *periphrasis*: *peri* – ‘вокруг, около’, *phrasis* – ‘говорю’ и толкуется в большинстве лингвистических и литературоведческих словарей как ‘описательный оборот речи, применяемый для замены слова или группы слов, чтобы избежать повторения, придать повествованию большую выразительность...’ [7, с. 109]. С происхождением этого термина связано его толкование А.А. Потебней: перифраза – ‘речь околицею, околичнословие’ [24, с. 217]. В содержании термина *перифраза* в современной лингвистике отмечается несколько компонентов значения: описательный способ номинации, обязательное/факультативное наличие иносказательности (образности) в такой номинации и в связи с этим обязательная или избирательная отнесенность ее в арсенал тропов. В некоторых работах эти содержательные элементы подаются в одном толковании [см., напр., 4, с. 371; 7 с. 109; 14, с. 3 – 7; 19, с. 155], в других - представлены как разные значения термина. Так, О.С. Ахманова дает в «Словаре лингвистических терминов» статью *парафраза* и указывает два отдельных значения данного термина: ‘1. Описательное выражение, 2. Троп, состоящий в замене обычного слова (простого обозначения некоторого предмета одним словом) описательным выражением’ [1, с. 312]. Правда, есть и такое мнение, что ‘термин *парафраз* не имеет ничего общего с *перифразой*...’ [22, с. 111], что глаголы *перифразировать* – ‘излагать перифразами’ (сущ. *перифразирование*, *перифразировка*) и *перифразировать* ‘передавать чьи-н. слова, изречение, фразу в несколько измененном виде’ не входят в одну терминосистему [22, с. 111]. Таким образом, в научной литературе по проблеме перифразы, достаточно значительной и разноаспектной, к перифразам относят самые разнообразные явления: различные толкования слов типа *тот, кто варит сталь* – ‘сталевар’; описательную передачу смысла другого выражения или слова: *пишущий эти строки* – ‘я’; *королева спорта* – ‘легкая атлетика’, *люди в белых халатах* – ‘врачи’; однословные синонимы - например, к неологизму *луноход* в качестве перифразы предлагаются *робот*, *солнцемобиль*, *машина*, *автомат*; фразеологические единицы типа *спустя рукава*, *лечь костями* и др. [см. обзор литературы в: 26, с. 255 и след.].

Эта множественность мнений и многоликость включаемых единиц вызвала необходимость постулирования основных признаков перифразы, которые предложила Л.Н. Синельникова, основываясь на работах предшественников и на своем осмыслении этого явления. По ее мнению, ‘перифраза: 1) раздельнооформленная единица речи, 2) семантически неделимая, 3) заменяет

слово, 4) имеет собственное окружение, не вытекающее из валентных отношений слов-компонентов, 5) функционирует в качестве отдельного члена предложения” [26, с. 256].

По мнению В.П. Григорьева, для перифразы необходимым признаком является “иносказательность (хотя бы самая минимальная)” [8, с. 159]. “В перифразе на первый план выдвигается какое-либо качество, сторона описываемого понятия, существенные в данном контексте, ситуации”, - считает Ю.А. Бельчиков [4, с. 371].

Сложность заключается в том, что в лингвистике, несмотря на постоянное обращение исследователей к проблеме перифразы в разных языках, стилях и жанрах, до сего времени не сформировано более-менее четкое и общепринятое представление об этом явлении. Перифраза - это языковая/речевая единица; стилистическая/риторическая категория, стилистический прием или стилистическая фигура? Перифраза - это лексическая/фразаологическая единица или свободная синтаксическая единица, создаваемая каждый раз индивидуально говорящим? Ясно, однако, что перифраза является номинативной единицей и выступает всегда как единица *повторной номинации*, поскольку она, как отметила Н.М. Сологуб, называет уже названное [27, с. 109], и в то же время является, как считают многие, единицей *вторичной номинации*, так как включает сему характеристики [см., напр., 15, с. 51]. Перифраза носит описательный характер и выполняет образно-стилистическую функцию. Отсюда - её прежде всего речевой характер, хотя модели, схемы построения единиц, в которых реализуется перифраза, носят общеязыковой характер. Видимо, этим и обуславливается, с одной стороны, отнесённость перифраз к стилистическим и риторическим ресурсам [29, с. 154], широта охватываемого этим понятием эмпирического материала, а с другой - наличие некоторых более/менее частотных и повторяющихся структурных и семантических моделей построения перифраз в разных стилях и жанрах.

Л.Н. Синельникова считает перифразу “функционально-семантической единицей речи” [26, с. 255 - 256], занимающей, как вытекает из интерпретации, промежуточное положение между словом, ФЕ и синтаксической единицей. В этой описательной номинативной единице, как правило, имеют место коннотативные семы эмоционально-экспрессивного, оценочного, познавательного-конкретизирующего характера (последняя выделена нами - Л.Г., Л.Ф.), но степень образности перифразы, мера скрытого, тайного смысла (‘иносказательности’) в ней каждый раз различны. Н.Ф. Коломиец и Е.С. Регушевский считают, что перифразы

никогда не выступают в роли обычных лексических параллелизмов к уже существующим словам, что они обязательно содержат в своем значении оценочный компонент, являются эмоционально-экспрессивными названиями, а по структуре представляют собою семантически несвободные (семантически неделимые) словосочетания [14, с. 4], хотя в качестве примеров приводят и отдельные слова [см.: 14, с. 6].

Некоторые исследователи (н-р, В.М. Калинин, В.М. Лесин) считают, что перифраза - всегда троп, единица с иносказательной семантикой [12, с. 224; 19, с. 155]; а из описательного определения перифразы С.Е. Никитиной и Н.В. Васильевой вытекает, что наличие иносказательности в ней является признаком переменным: “Перифраза, перифраз (*periphrasis*). Описательное выражение, замещающее слово. **При наличии иносказательности** (выделено нами - Л.Г., Л.Ф.) является тропом” [22, с. 109]. Н.Ф. Коломиец и Е.С. Регушевский делят перифразы на индивидуально-авторские и общеязыковые и при этом отмечают, что общеязыковые перифразы могут быть образными и описательными [14, с. 7]. Описательные перифразы строятся из слов с прямым значением; н-р: *люди в белых халатах*. Ю.А. Бельчиков считает, что перифразы научной речи лишены экспрессии, и тем не менее он не отказывает им в статусе перифраз [4, с. 371], а Коломиец Н.Ф. и Регушевский Е.С. пишут, что для перифраз научного стиля характерен оттенок торжественности [14, с. 5]. Л.Н. Синельникова в указанной работе выделяет четыре группы перифраз, хотя осуществляется это выделение не по единому основанию: «1) Перифразы *работник прилавка* - продавец, *работники (труженики) колхозных полей* - колхозники и под. Здесь логическая синонимия, это одно из доказательств логической эквивалентности, реализующейся в языке. 2) Перифразы *люди в синих шинелях* - милиционеры, *люди в белых халатах* - врачи, продавцы, *люди в бескозырках* - моряки и под., которые также называют реальный единичный признак лица (образование таких перифраз соотносится с явлением синекдохи). 3) Перифразы *автор Евгения Онегина* - Пушкин, *создатель бессмертного «Недоросля»* - Фонвизин... Здесь между сочетанием и словом (именно собственным) - “денотативное тождество, обусловленное экстралингвистическими факторами”. ...4) Образные перифразы: *свинцовые пчелы* - пули, *мягкое золото* - пушнина... » [26, с. 258 - 259].

Таким образом, получается, что перифразы могут обладать образностью и не обладать ею; могут быть экспрессивно окрашенными и могут быть лишенными этого признака; они могут включать элементы метафоричности или иного типа тропов, но могут и не включать таких компонентов.

В чем нет разногласий относительно перифразы, так это в представлении об **описательном** характере именовании явления с ее помощью и в понимании ее функции. Обобщение показывает, что перифраза служит для создания выразительности и действенности текста, помогает избежать повторения одних и тех же слов или оборотов, выделяет некоторые характерные признаки именуемого явления, существенные для данной ситуации, для данного акта коммуникации, и отражает индивидуально-авторское видение мира. Мы считаем, что перифраза представляет собою функционально-текстовую единицу речи (обычно синтаксически и/или семантически несвободное словосочетание), которая производится говорящим в соответствии с потребностями организации семантики, структуры, субъективной модальности более/менее развернутого высказывания, обусловленного стилем, жанром, эпохой, личностью автора. Принадлежностью системы языка являются семантико-структурные модели, по которым строятся перифразы, а речевые реализации их либо остаются единичными, индивидуально-авторскими, либо входят в язык как термины, фразеологизмы либо прецедентные единицы, если приобретают свойство воспроизводимости, входят в интеллектуальный багаж носителей языка, или, по выражению В.В. Красных, в число “ядерных элементов русской когнитивной базы” [17, с. 76].

Но, видимо, перифразы для апеллятивов и разного типа онимов строятся не одинаково.

Теория ономастической перифразы пока не разработана. У её истоков стоит В.М. Калинин, включивший в свою книгу «Поэтика онима» параграф «Контекстные синонимы, дескрипции, ономастические перифразы», поставивший вопрос о специфике ономастической перифразы, давший её определение и предложивший три основные модели построения ономастической перифразы [12, с. 222 – 225]. В.М. Калинин утверждает, что “ономастической перифразой в подлинном смысле можно считать только такой способ номинации (лица, объекта, явления и т.д.), при котором внутри высказывания прямая номинация отсутствует, а замещающая ее номинативная конструкция представляет собой троп или является иносказательной хотя бы минимально” [12, с. 224]. В другой работе, обсуждая вопрос о топонимической перифразе, В.М. Калинин пишет, что “участие исходного наименования в поэтической номинации, скорее всего, лишает её права называться перифразой” [13, с. 533]. Это предположение, хотя оно сформулировано с опорой на авторитетные лингвистические источники (но на дефиниции перифразы без её ономастической специализации), все же носит априорный

характер, сделано без интерпретации эмпирического материала и не учитывает специфики топонимов. Поэтому вполне вероятно, что оно подтвердится в проекции на антропонимическую перифразу, а наш материал – топонимические перифразы – не дает оснований принять такой подход. Если однозначно отвергнуть возможность участия **элементов** исходной номинации в топонимической перифразе, то получится, что обороты типа *Балтийские волны* – ‘Балтийское море’, *Кагульские воды* – ‘Кагул’, *кубанские равнины* – ‘Кубань’, *сады Лицея* – ‘Лицей’, *Азии пределы* – ‘Азия’ и под. не являются перифразами, с чем трудно согласиться¹.

Во-первых, данные словосочетания включают в свой состав не исходную форму первичной номинации, а либо форму косвенного падежа ее, выступающую в позиции зависимого компонента словосочетания, либо оттопонимический дериват (имя прилагательное); и этот компонент описательной номинативной конструкции в тексте функционирует не как самостоятельный знак, хотя он действительно несет на себе основную информативную нагрузку. Во-вторых, описательные топонимические номинации этого типа приобретают *изобразительно-выразительные* свойства в связи с тем, что в большинстве случаев представляют собою метонимию: они именуют тот или иной топографический объект (геофакт) через выделение какого-либо его отличительного признака – той или иной когнитивной составляющей референта. И это выделение осуществляется с помощью главного слова данных словосочетаний. Например, наряду с номинацией *Тригорское* А.С. Пушкин использует три описательные конструкции: *леса тригорские*, *тригорские нивы*, *сени Тригорского*. При этом функционально такое словосочетание является семантически несвободным, выступает в роли одного члена предложения.

Функцию выделения различных когнитивных составляющих именуемого топографического объекта (типа *башни*, *берега*, *вал – валы*, *волны*, *липы*, *луга*, *поля*, *развалины*, *скалы*, *стены*, *холмы* и под.) осуществляет, как мы уже отметили, стержневое слово анализируемых словосочетаний-перифраз. Например: *берега Европы* – Европа, *литовские берега* – ‘Литва’, *финские волны* – Финский залив, *финские скалы* – ‘Финляндия’, *вал Терека* – ‘Терек’, *Тибровы валы* –

¹Исследование построено на материале творческого наследия А.С. Пушкина с привлечением также других авторов. Все примеры из произведений А.С. Пушкина даем по: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти т.- М.: Изд-во АН СССР, 1962 – 1966.

'Тибр', волны Флегетона – 'Флегетон', саркосельские липы – 'Царское Село', Молдавию луга – 'Молдавия', развалины Татартуба – 'Татартуб', стены Китая – 'Китай' и под. Почти всегда главное слово такого словосочетания без зависимого не может обеспечить информативную достаточность высказывания, но зато, как это подчеркивают многие дефиниции перифразы, оно выделяет какой-либо выразительный признак именуемого явления: *Оттоль сорвался раз обвал, Ис тяжким грохотом упал, И всю теснину между скал Загородил, И Терека могущий вал Остановил.* (Обвал; III, 138); *Се благо, думал он, и взор его носился От Тибровых валов до Вислы и Невы. От саркосельских лип до башен Гибралтара* (Недвижный страж дремал на царственном пороге; II, 175); *Или от Перми до Тавриды, От финских хладных скал до пламенной Колхиды, от потрясенного Кремля До стен недвижного Китая, Стальной щетиною сверкая, Не встанет русская земля?* (Клеветникам России; III, 223); *какие берега Теперь мы посетим: Кавказ ли колоссальный, Иль опаленные Молдавию луга* (Осень; Из ранних редакций; III, 469).

В результате создания таких описательных конструкций образуются парадигмы, синонимические ряды поэтических топонимических номинаций, характерной чертой которых является тождество референта плюс большее или меньшее количество коннотативных сем, носящих познавательно-конкретизирующий, эмоционально-экспрессивный или оценочный характер. Любая из подобных описательных топонимических конструкций составляет с исходной номинацией корреляционную мини-парадигму, в которой мы видим изоморфизм с лексико-фразеологическими синонимическими парами, включающими слово и так называемое аналитическое словосочетание, типа: *бороться – вести борьбу, заботиться – проявлять заботу, интересоваться – проявлять интерес, молчать – хранить молчание, мучиться – терпеть мучения, нуждаться – испытывать нужду, осматривать – производить осмотр, отчаиваться – предаваться отчаянию, поддерживать – оказывать поддержку, помогать – оказывать помощь, унывать – предаваться унынию, участвовать – принимать участие* и под. Такая соотносительность имеет место также в системе словесных и перифрастических номинаций апеллятивного типа. В книге М.П. Коломийца и Е.С. Регушевского «Короткий словник перифраз» приводится весьма значительный ряд перифраз, включающих в том или ином виде исходные наименования: *азбука доріг* – дорожные знаки, *березовий бальзам* – березовый сок, *біла Олімпіада* – зимові Олімпійські ігри, *волохатий прядильник* – дубовый (тутовый) шовкопряд, *воїни партизанського фронту* – партизаны, *герої космосу* – космонавты,

Топонимическая перифраза: введение в проблему

горючий (соляничный) камень – кам'яне вугілля, *електронний мозок* – електроннообчислювальна машина, *залізничні ворота* – залізничний вокзал, *зелене будівництво* – озеленення, *зелені лікарі (ліки)* – лікарські рослини, *космічна одісея* – тривалий космічний політ, *країна дитинства* – світ дитинства, *лампочка Ілліча* – електролампочка, *крилаті судна* – судна на підводних крилах, *магістраль віку* – Байкало-Амурська магістраль, *майстри хлібної ниви* – хлібороби, *місто Кия* – Київ, *народний обранець (посланець)* – народний депутат, *червона субота* – ленінський комуністичний суботник, *сонячна квітка* – соняшник, *цілющі голки* – голкотерапія [14].

По нашему мнению, описательные конструкции типа *Кагульские воды* – 'Кагул', *арпачайская струя* – 'Арпачай', *литовские берега* – 'Литва', *пустыни Азии* – 'Азия', *края Москвы* – 'Москва', *русское море* – 'Россия', *поля России* – 'Россия' и под. выполняют задачу топонимической номинации семантически-инкорпорированным способом - через указание на один из выразительных когнитивных признаков топографического объекта, благодаря чему включают в свою семную структуру дополнительный семантический компонент либо когнитивно-конкретизирующего, либо эмоционально-оценочного характера, вследствие чего образ становится более зримым и обогащает "коннотативную сферу поэтонима" [12, с. 225]. Например: *Я видел Азии бесплодные пределы, Кавказа дальний край, долины обгорелы* (Я видел Азии бесплодные пределы; II, 12); *Когда владыка ассирийский Народы казнию казнил, И Олоферн весь край азийский Его деснице покорил /.../, Израил выи не склонил* (Когда владыка ассирийский; III, 359); *Кто устоит в неравном споре: Кичливый лях иль верный росс? Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? вот вопрос.* (Клеветникам России; III, 222); *Есть место им в полях России, Среди нечуждых им гробов.* (Клеветникам России; III, 223).

Описательные конструкции-топонимы приведённого типа обладают разной степенью образности (в отдельных случаях, возможно, именно той "минимальной иносказательностью", о которой пишут В.П. Григорьев и В.М. Калинин), но присутствие ее в данных единицах несомненно. Так, перифразы со стержневыми лексемами *край (края)*, *пределы*, *пустыни* и под. вносят представление о неординарно обширном пространстве именуемого топографического объекта (недаром же в России есть даже такие административно-территориальные единицы, как Краснодарский край, Красноярский край, хотя их названия в современном русском языке не являются перифразами); кроме того, пустыня – это

безлюдное и безводное пространство со скудной растительностью или полным отсутствием ее, с резкими колебаниями температуры воздуха и почвы (одно только перечисление признаков пустыни наводит на душу тоску и уныние): *Кто из вас муж Веры и Смирения уподобился святым старцам, скитающим по пустыням Африки, Азии и Америки* (Путевые записки; VIII, ч. 2, с. 1036; цит. по акад. изд. в 16-ти томах); (и не зря же небольшой незаселённый или неводеланный участок земли называют не *пустыней*, а *пустошью* – другой денотат и совсем другой эмоциональный фон!). Описательные топонимические именованья типа *скалы Шотландии* – ‘Шотландия’, *снега Нормандии* – ‘Нормандия’, *луга Молдавии* – ‘Молдавия’, *развалины Татартуба* и под. представляют собою метонимию (или, если уж совсем конкретизировать, – синекдоху), то есть находятся в пространстве тропов. Так, в примере *А правил Буджаком паша с высоких башен Аккермана* (Цыганы) перифраза башни Аккермана – ‘Аккерман’ выполняет не только номинативную функцию, называя крепость Аккерман, но также показывает её признак – наличие крепостных башен и метонимически (с помощью синекдохы) показывает образ правления паши. Нам представляется, что выразительный и изобразительный потенциал данной перифразы, включающей исходную номинацию, не вызывает сомнения.

Топонимические перифразы-метонимии, включающие в том или ином виде элементы исходной номинации, подтверждают, по нашему мнению, следующий тезис Б.В. Томашевского: “...когда развивают метонимию, получают то, что носит название перифраз. Перифраз строится на *определении предмета* (выделено нами – Л.Н. Г., Л.Ф. Фомина) вместо его прямого называния” [28, с. 230].

Таким образом, топонимическая перифраза – это *описательная конструкция*, репрезентирующая именование определенного топографического объекта путем характеристики каких-либо его устойчивых или индивидуально выделенных признаков либо путем представления целого с помощью его разных когнитивных составляющих. Топонимические перифразы обладают разной степенью образности, иносказательности, но в них, как в любой перифразе, значение целого доминирует над значением составляющих элементов.

Например, для поэтического языка XIX – XX в.в. характерно было называть описательно страну или город по водному источнику, на котором он расположен: Например, *брегами Енисея* А.С. Пушкин именует Сибирь, *брегами Дуная* – Бессарабию, *брегами Невы* – Петербург; *городом на Неве* в XX в. называли Ленинград и под.

В семантике лексического компонента *берег* (*брег*) в таких перифразах реализуются не только его словарные значения: ‘край земли у водной поверхности’; ‘суша (в противоположность воде)’. Здесь представлены также контекстуально обусловленные переносные значения: а) ‘пространство водного источника’: *Вдоль берегов Днепра счастливых летят в клубящейся пыли* (Руслан и Людмила; IV, 17); *Онегин, очень охлажденный И тем, что видел, насыщенный, Пустился к невским берегам*. (Евгений Онегин, Путешествие, ст. XXXII; Из ранних редакций; V, 564) *И быстрою стрелой на невский брег примчуся* (К сестре; I, 46); б) ‘пространство вокруг водного источника’: *По гордым волжским берегам Он скачет сонный. Кони мчатся То по горам, то вдоль реки* (Евгений Онегин, Путешествие, ст. VII; Из ранних редакций; V, 559) *Он вдоль днепровских берегов Искал соперника следов* (Руслан и Людмила; IV, 44); в) ‘пространство, занимаемое названным референтом’ (даже если это и не водный источник). Отсюда возможность таких перифраз, как *берега Европы, берег Крыма, литовские берега, испанские берега* и под.: *Для неба дального, для отдаленных стран Оставим берега Европы обветшалой* (Завидую тебе, питомец моря смелый; II, 153) *Лишь хмель литовских берегов, Немецкой тополью плененный, Через реку /.../ Переправлялся дерзновенный* (Сто лет минуло, как тевтон; III, 53). См. также: *какие берега Теперь мы посетим: Кавказ ли колоссальный, Иль опаленные Молдавии луга* (Осень; Из ранних редакций; III, 469).

Одна и та же перифраза в художественном тексте может соотноситься с двумя референтами. Например: *Забитый светом и молвою, Далече от брегов Невы, Теперь я вижу пред собою Кавказа гордые главы*. (Руслан и Людмила; IV, 100). В данном случае *далече от брегов Невы* можно интерпретировать двояко: ‘далеко от Невы’ и ‘далеко от Петербурга’. *И быстрою стрелой на невский брег примчуся* (К сестре; I, 46); *Примчуся на невский брег* здесь можно толковать и как ‘примчусь на Неву’, и как ‘примчусь в Петербург’.

В поэтической речи А.С. Пушкина иногда отсутствует нейтральное именование того или иного географического объекта, но неоднократно используются перифразы, включающие элементы исходного наименования или другие когнитивные составляющие, благодаря которым перифраза функционирует как образное средство и в то же время легко декодируется. Например: *Адриатические волны* – ‘Адриатическое море’; *Балтические волны* – ‘Балтийское море’ *небо Арголиты* – ‘Арголиты’ (Критон, *изнеженный мудрец, Воспитанный под небом Арголиты, /.../ Никем не знаемый, ничем не знаменитый*

(Клеопатра; II, 224)); *Волкан Неаполя* - 'Везувий' (*Тряслися грозно Пиренеи, Волкан Неаполя пылал* (Евгений Онегин, гл. 10, ст. IX; V, 210)).

В книге «Поэтика онима» В.М. Калинин предложил удачное основание классификации ономастических перифраз: конструктивно-семантическое участие проприальных единиц и апеллятивов в их формировании [см.: 12, с. 223]. Понятие *топонимическая перифраза* является гипонимом по отношению к понятию *ономастическая перифраза*, поэтому I-й уровень классификации топонимических перифраз мы построили по этому же основанию (хотя и в других вариациях) и выделили следующие три группы топонимических перифраз.

1) Перифраза строится из имен нарицательных, но отсылает к ИС-топониму, который замещается ею "в данный момент, в данном отрезке текста..." (12, с. 223). Например: *юный град, младший брат* - 'С.-Петербург'; *дальний град* - 'Рим'; *тихий край отцов* - 'Финляндия' и под. *Прошло сто лет, и юный град, Полночных стран краса и диво, Из тьмы лесов, из топи блат Вознесся пышно, горделиво* (Медный всадник; IV, 393); *И ты, Москва, страны родной глава, сияющая золотом! И ты уже пред младшим братом* Поникла в зависти немой (Медный всадник, черн. рукопись; Бонди С., 173); *И все несчастный тосковал, Бродя по берегам Дуная, Да горьки слезы проливал, Свой дальний град вспоминая* (Цыганы; IV, 215); *Впервые тихий край отцов Услышал бранный звон булата* (Руслан и Людмила; IV, 23)

Перифразы, построенные таким способом, различаются степенью контекстуальной обусловленности: одни из них очень тесно привязаны к контексту данного произведения и реализуют свой потенциал только в нем; другие - в силу разного типа фоновых знаний, познавательно-культурной платформы читателя - становятся общеизвестными и легко декодируются. Среди последних можно назвать перифразы типа *библейская гора* - 'Арагат'; *священный град востока* - 'Иерусалим'; *страна героев и богов* - 'Греция'; *тени жилище* - 'Аид' и под.

2) Перифраза имеет в своем составе ИС (антропоним или топоним), но отсылает к иному ИС-топониму: *берега Невы* - 'Петербург'; *наследие Богдана* - 'Украина'; *небо Шиллера и Гете* - 'Германия'; *небо Торквата* - 'Италия' (Е.А. Баратынский); *Приамов град* - 'Троя' (В.А. Жуковский); *скалы старца Оссиана* - 'Ирландия': *Онегин, добрый мой приятель, родился на берегах Невы* (Евгений Онегин, гл. I, ст. II; V, 10); *Куда отведем строй твердынь? За Буг, до Воркель, до Лимана? За кем останется Волынь? За кем наследие Богдана?* (Бородинская годовщина; III, 225); *Под небом Шиллера и Гете их поэтическим огнем душа воспламенилась в нем* (Евгений Онегин, гл. 2, ст. IX; V, 40).

Топонимическая перифраза: введение в проблему

Декодирование перифраз этой группы также обусловлено апперцепционной базой читателя. Содержательное пространство этих поэтических топонимических единиц гораздо шире прямой топонимической номинации, чем и определяется их когнитивный и воздействующий потенциал. Например, топоним-перифраза *Ольгин город* мотивирован именем известной киевской княгини Ольги, но является поэтическим синонимом к названию г.Пскова. Возможность этой перифразы обусловлена тем, что княгиня Ольга родилась в г.Пскове и город впервые упомянут в летописях под 903 г. - в связи с сообщением о том, что в этом году Олег привел Игорю жену Ольгу из Пскова [см. в: 9 соответствующую статью - с. 122 - 123].

В отдельных случаях поэты используют не прямую топонимическую номинацию, но употребляют перифразу, декодирование которой требует некоторых разысканий. Так, А.С. Пушкин в стихотворении «Гнедичу» не использует топоним *Ирландия*, но вводит его метонимическую перифразу *скалы старца Оссиана*, включив, во-первых, нарицательное имя *скалы*, обозначающее выразительный признак страны, а во-вторых, антропоним - имя собственное легендарного воина и барда древних кельтов, которые заселили в IV в. до н.э. большую часть о. Ирландия: *То Рим его зовет, то гордый Илион, То скалы старца Оссиана* (Гнедичу; III, 238).

3) Третью группу топонимических перифраз образуют такие конструкции, в которых главное слово описательно-номинативного словосочетания (имя нарицательное) называет один из когнитивных признаков именуемого топографического объекта, а зависимое является формой косвенного падежа исходной номинации - ИС или его дериватом - оттопонимическим прилагательным, и именно зависимый компонент является носителем перифразируемой информации. Перифразы этой группы, хотя именно они являются дискуссионной зоной, весьма многочисленны и в творческом наследии А.С. Пушкина, и у других писателей.

В этой группе топонимических перифраз выделяется несколько семантических моделей. Покажем некоторые из них.

а) Чрезвычайно частотной является конструкция со словом *земля*, выступающая как хороним - для описательного именования материковых государственно-этнических пространств большей/меньшей протяженности: *Российская земля, русская земля* - 'Россия'; *аравийская земля* - 'Аравийская пустыня'; *египетская земля* - 'Египет'; *Карельская земля* - 'Карелия'; *Ижорская земля* - 'Ижора'; *Камчатская земля* - 'Камчатка'. Они представлены в русском языке XVIII - XIX в. у разных авторов: Ломоносова М.В., Пушкина А.С., Лермонтова М.Ю. Например: *... что может собственных Платонов и быстрых разумом*

Невтонов *Российская земля рождать* (Ломоносов М.В. Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 года; 20, с. 11); *Или от Перми до Тавриды, от финских хладных скал до пламенной Колхиды, От потрясенного Кремля До стен недвижного Китая, Стальной щетиною сверкая, Не встанет русская земля?* (Клеветникам России; III, 223); *В песчаных стенах аравийской земли Три гордые пальмы высоко росли.* [М.Ю. Лермонтов. Три пальмы; 18, I, с. 454]; *Где ходит гордый славянин, /.../ И сын египетской земли, Корсар в отставке, Морали.* (Евгений Онегин, Путешествие; V, 204); *Камчатская земляца (или Камчатский нос) начинается у Пустой реки и Анапка в 59 градусе широты - там с гор видно море по обеим сторонам* (Заметки о Камчатке; IX, 468).

Статус единиц этой подгруппы можно подтвердить определением Ш. Балли: “Расширенная форма повторения мысли называется в обычной терминологии перифразой” [2, с. 126]. Мы считаем, что в этой семантической модели осуществляется отграничение материковых территорий от других типов пространства: гор, островов, водных объектов и т.д., то есть в значение топонима-перифразы включается познавательная-конкретизирующая сема.

б) Для описательного именованя топографических объектов с гористой (скальной, холмистой) поверхностью используются поэтические конструкции со словами *скалы, утесы, вершина (-ы); глава (-ы) 'вершина'; громады, скала (-ы), холмы* + форма род. п. ИС (оронима, хоронима) или соответствующее оттопонимическое прилагательное: *вершины Кавказа, главы Кавказа, скалы Кавказа, кавказские громады* – ‘Кавказ’, ‘Кавказские горы’; *холмы Тавриды* – ‘Таврида’; *эльбские скалы* – ‘остров Эльба в Средиземном море’; *скалы Кириаландии* – ‘Кириаландия’ – ист. Название Карелии; *скалы Шотландии* – ‘Шотландия’; *финские скалы* – ‘Финляндия’; *финляндские скалы* – ‘Финляндия’ (С.Я. Маршак). Например: *Напоминают мне оне Кавказа гордые вершины* (Не пой, красавица, при мне; Из ранних редакций; III, 460); *Вдали – Кавказские громады* (Евгений Онегин, Путешествие; Из ранних редакций, ст. XII; V, 561); *Как часто по скалам Кавказа Она Ленорой, при луне, Со мной скакала на коне!* (Евгений Онегин, гл. 8, ст. IV; IV, 166); *Волнуйся, ночь, над эльбскими скалами* (Наполеон на Эльбе (1815); I, 122); *И зрелась ладья, бегущая в тумане Под сводом эльбских грозных скал* (Наполеон на Эльбе; I, 124); *Не видит он знакомых скал Кириаландии печальной* (Вадим; IV, 160); *какие берега теперь мы посетим: Кавказ ли колоссальный, Иль опаленные Молдавии луга, Иль*

скалы дикие Шотландии печальной (Осень; Из ранних редакций; III, 469); *Холмы Тавриды, край прелестный, Я снова посещаю вас* (Таврида; II, 112).

Использование такого способа именованя того или иного топографического объекта позволяет авторам, во-первых, представить разные аспекты, стороны, постоянные или обнаруженные данным автором в данной ситуации признаки геофакта (референта); во-вторых, активизировать воображение читателя, включить его мыслительные, зрительные и эмоциональные каналы восприятия и интерпретации действительности; в-третьих, построить ряды поэтических синонимов и, следовательно, расширить арсенал изобразительно-выразительных средств.

в) Для описательного именованя водных источников используются конструкции со словами *вал – валы, воды, волны, источник, ключ 'источник', струя – струи* + форма род. п. гидронима или мотивированное им прилагательное: *Терека вал* – ‘Терек’, *Тибровы валы* – ‘Тибр’, *Каспийские воды* – ‘Каспийское море’, *Кагульские воды* – ‘Кагул’, *воды Иордана* (М.Ю. Лермонтов); *Адриатические волны* – ‘Адриатическое море’; *финские волны* – ‘Финский залив’, *днепровские волны* – ‘Днепр’, *волны Леты* – ‘Лета’, *волны Сороти* – ‘Сороть’, *Балтические волны* – ‘Балтийское море’; *источник Каломоны* – ‘Каломона’, *источник Кроны* – ‘Крона’, *арпачайская струя* – ‘Арпачай’, *летийские струи* – ‘Лета’ (Е.А. Баратынский), *струи Арагвы и Куры* (М.Ю. Лермонтов) и под.

Например: *Се благо, думал он, и взор его носился От Тибровых валов до Вислы и Невы, От сарскосельских лип до башен Гибралтара* (Недвижный страж дремал на царственном пороге; II, 175); *На берегу соленых вод Торговый Астрахань открылся. /.../ и, взбешен, Каспийских вод брега сыпучи Он оставляет тот же час.* (Евгений Онегин, Путешествие; Из ранних редакций, ст. XI; V, 561); *У вод ли чистых Иордана Востока луч тебя ласкал, Ночной ли ветр в горах Ливана Тебя сердито кольхал?* (М.Ю. Лермонтов. Ветка Палестины); *Адриатические волны, О Брента! нет, увижу вас И /.../ Услышу ваш волшебный глас!* (Евгений Онегин, гл. I, ст. XLIX; V, 30); *Всё, чем для прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный И по Балтическим волнам за лес и сало возит нам* (Евгений Онегин, гл. I, ст. XIII; V, 19); *Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти* (Письма, 704. Н.М. Языкову; X, 573); *Источник быстрый Каломоны, Бегущий к дальним берегам, Я зрю* (Кольна (Подражание Оссиану); I, 34)

Лексическое наполнение указанных моделей каждый раз, естественно, меняется, но

семантическая и структурная модель у разных авторов повторяется. Так, модель *струя - струи* + гидроним/мотивированное им прилагательное мы обнаружили у А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского и М.Ю. Лермонтова: *Отдохнув от злой погони, чужа родину свою, Пьют уже донские кони арпачайскую струю* (Пушкин. Дон; III, 124). *Там, где, сливаясь, шумят, Обнявшись, будто две сестры, Струи Арагвы и Куры, Был монастырь* (Лермонтов. Мцыри; II, 467); *Я не усталый, но ленивый, Уж пил летийские струи* (А.Е.Баратынский. Спасибо злобе хлопотливой, 122).

г) Для описательного именованя топографических объектов, представляющих собою укрепленные стратегические пункты, города-крепости, используется поэтическая описательная конструкция со словами *башня (-и), стена (-ы)* + форма род. п. астионима/мотивированное им прилагательное: *башни Аккермана* – 'Аккерман', *башни Казани* – 'Казань', *башни Гибралтара* – 'Гибралтар, порт на Ю. Пиренейского п-ова, у Гибралтарского пролива', *башни Ливурны* – 'Ливорно' (А.Е. Баратынский); *башни Лемоса* – 'остров Лемнос, на котором расположен город-крепость Кастрон' (М.Ю. Лермонтов); *очаковские стены* – 'Очаков' (Г.Р. Державин), *стены Китая* – 'Китай'.

Эта модель отмечена нами в произведениях А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, Г.Р. Державина, М.Ю. Лермонтова. Например: *Ты воевал под башнями Казани* (Борис Годунов; V, 233); *Се благо, думал он, и взор его носился От Тибровых валов до Вислы и Невы, От саркосельских лип до башен Гибралтара* (Недвижный страж дремал на царственном пороге; II, 175); *С востока ряд*

зубчатых гор К подошве тянутся Афоса, И башни гордые Лемоса Встречает удивленный взор... (М.Ю. Лермонтов. Корсар; II, 46); *Огонь, в волнах неугасимый, Очаковские стены жрет* (Г.Р. Державин. Осень во время осады Очакова, 20 - 22).

Мы не показываем здесь все возможные семантические модели топонимических перифраз, включающих в свой состав в той или иной форме исходное ИС: нашей задачей было выявить их множественность и своеобразие, наметить пути описания материала в рамках семантических перифрастических полей, убедиться в наличии у них изобразительно-выразительного потенциала и показать их достаточно широкую представленность в художественной литературе. С другой стороны, возможность разнообразных способов именованя одного и того же референта – топографического объекта формирует специфические синонимические ряды, позволяющие говорящему (пишущему) показать свое видение мира, свое отношение к нему, а также отношение других лиц к нему. Использование словосочетания на месте слова расширяет синтаксические возможности распространения высказывания и, соответственно, изобразительно-выразительную сферу текста.

Изучение арсенала топонимических перифраз в русском языке и их прагматического потенциала – дело будущего, но наши материалы показывают, что их построение имеет свои особенности, что их модели чрезвычайно разнообразны как по семантико-синтаксической организации, так и по когнитивному и образно-стилистическому параметрам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.- "2-е изд.стер. – М.: Сов. энциклопедия, 1969.
2. Балли Ш. Французская стилистика.- М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
3. Баратынский Е.А. Спасибо злобе хлопотливой; Небо Италии, небо Торквата // Три века русской поэзии / Сост. Н.В.Банников. - 3-е изд.- М.: Просвещение, 1986.
4. Бельчиков Ю.А. Перифраза//ЛЭС.- М., 1990 .
5. Бельчиков Ю.А. Перифраза// Русский язык: Энциклопедия. – 2-е изд. , перераб. и доп. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая русская энциклопедия, 1997.
6. Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930 – 1970 г.г.- 2-е изд.-е.- М.: Просвещение, 1978. - 231
7. Головенченко А.Ф. Перифраз //Краткий словарь литературоведческих терминов/ Редакторы-составители: Л.И.Тимофеев, С.В. Тураев.- М.: Просвещение, 1985. – С. 109.
8. Григорьев В.П. К проблеме перифразы// Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. – Т. IV. – Калинин, 1974. – С. 158 – 274.
9. Гукова Л.Н., Фомина Л.Ф. Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А.С. Пушкина: Словарь. Пособие для учителя.- Одесса: Фотосинтетика, 2004. – 192 с.
10. Державин Г.Р. Осень во время осады Очакова// Три века русской поэзии / Сост. Н.В.Банников. - 3-е изд.- М.: Просвещение, 1986, с. 20 – 22.
11. Жуковский В.А. Торжество победителей// Три века русской поэзии / Сост. Н.В.Банников. - 3-е изд.- М.: Просвещение, 1986, с. 50 – 53.
- 12.Калинкин В.М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1991.- 408 с.

- 13.Калинкин В.М. Отклики и отражения (Вместо рецензии) //Восточноукраинский лингвистический сборник. –Вып. 9. - Донецк, 2004. – 530 – 534.
- 14.Коломієць М.П., Регушевський Е.С. Короткий словник перифраз. – К.: Радянська школа, 1985. – 146 с.
- 15.Копусь О. Проблема визначення перифраз у мовознавстві (на матеріалі роману „Собор” О.Гончара) // Лінгвістичні дослідження: Зб. наукових праць. – Вип.. 7. – Харків: ХДПУ, 2001. – С. 51 – 53.
- 16.Копусь О. А. Перифрази у творах О. Гончара: структурно-семантичний та функціонально-стилістичний аспекти: Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. – К., 2001.
- 17.Красных В.В. Этнопсихолінгвістика и лінгвокультурологія: Курс лекцій. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2002. – 284 с.
- 18.Лермонтов М.Ю.Собрание сочинений в четырех томах.- М.: Изд-во АН СССР, 1961 - 1962.
- 19.Лесин В.М. Літературознавчі терміни/ Відп. редактор К.П. Фролова. – К.: Радянська школа, 1985.- 251 с.
- 20.Ломоносов М.В. Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны , 1747 года // Три века русской поэзии/ Сост. Н.В.Банников. – 3-е изд.- М.: Просвещение, 1986. – С. 7 – 12.
- 21.Маршак С.Я. Все то, чего коснется человек//Три века русской поэзии/ Сост. Н.В.Банников. – 3-е изд.- М.: Просвещение, 1986. – С. 572.
- 22.Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов.- М.: Российская АН, Институт языкознания, 1996. – 172 с.
- 23.Ожегов С.И. Словарь русского языка.- М.: Русский язык, 1986. – 798 с.
- 24.Потебня А.А. Из записок по теории словесности.- Харьков, 1905.
- 25.Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти т. – М.: Изд-во АН СССР, 1962 – 1966.
- 26.Синельникова Л.Н. К вопросу о сущности перифразы как функционально-семантической единицы// Вопросы грамматического строя современного русского языка: Сб. статей. – М.: МГПИ им. Ленина, 1974. – С. 255 – 261.
- 27.Сологуб Н.М. Мовний світ Олеса Гончара. – К., 1991
- 28.Томашевский Б.В. Стилистика: Учебное пособие.- “2-е изд., испр. и доп.- Л.: ЛГУ, 1983. - 288 с.
- 29.Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций и Словарь риторических фигур. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1994.

Гукова Л.М., Фомина Л.Ф.

ТОПОНІМІЧНА ПЕРИФРАЗА: ВСТУП ДО ПРОБЛЕМИ

У статті розглянуто різні погляди на поняття перифрази, визначаються головні ознаки перифрази як функціонально-текстової одиниці мовлення. Особливу увагу автори надають дефінуванню топонімічної перифрази, уперше вирішуючи питання структурно-семантичної організації, типології цих описових пропріальних одиниць, а також формулюючи поняття семантичних моделей, за якими утворюються деякі топонімічні перифрастичні поля. (“Λογος ὀνομαστικῆ”, №1, 2006, с. 72-80).

Ключові слова: ономастика, перифраза, топонімічна перифраза, типи та семантичні моделі топонімічних перифраз.

Gukova, L.N., Fomina, L.F.

TOPONYMIC PERIPHRAISIS: AN INTRODUCTION TO THE PROBLEM

The article deals with different scientists' ways of thinking about the concept of periphrasis as a functional-textual unit of speech. The authors pay a special attention to the definition of toponymic periphrases investigating the questions of structural-semantic origination, typology of these descriptive proper units and also forming the definition of the semantic models according to which a number of toponymic periphrastic fields are found. (“Λογος ὀνομαστικῆ”, №1, 2006, с. 72-80).

Key words: onomastics, periphrasis, toponymic periphrasis, types and semantic models of toponymic periphrasis.